

Ловушка застрянного времени

А. В. Пухоньва

16+

Алёна Тихонова

Ловушка затерянного времени

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тихонова А. В.

Ловушка затерянного времени / А. В. Тихонова — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08632-6

Молодой человек по имени Кайто Аран путешествует по Вселенной в поисках материала для своей научной работы. К нему по очереди присоединяются Ра-Гор - самообучающийся андроид, который пытается разобраться в том, для чего нужны чувства и эмоции, и Рита - девушка, отстающая на несколько веков, затерянная в чужом времени. Девушка, в чьей голове хранится вся информация о более не существующей планете, Земле. Каждый из них найдёт ответы - но вовсе не на те вопросы, что ставил, отправляясь в этот путь.

ISBN 978-5-532-08632-6

© Тихонова А. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Рандеву на руинах	7
Глава 2. Экстремальная посадка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В оформлении обложки использованы бесплатные изображения из свободного доступа в Интернете. Скомпонованы и обработаны автором.

Предисловие

Книга посвящается Надежде Щёголевой, она же Ледяной Лис – той, без кого это произведение не было бы закончено.

Также она посвящается тем, кто, как и я, думает, что любое путешествие – не только изучение внешнего мира, но и в какой-то мере познание себя, причём порой – с самых неожиданных сторон.

Глава 1. Рандеву на руинах

"Тишины самопознания всем, слушающим меня!"

Скорее всего, поскольку я не собираюсь ни с кем делиться записками моего путевого дневника, это сообщение никому не адресовано, кроме самого же меня, но так меня воспитывали здороваться, и я неукоснительно следую правилам хорошего тона.

Мои ноги ступают по оранжевому, как острые, заставляющие дышать едва ли не огнём, специи и соусы гофра, базальту на склоне горного хребта, тянущегося бесконечно, до самой линии горизонта, бугристой и, на мой вкус, совсем незстетичной. Над моей головой – плоское, как поддон пекаря, небо цвета окиси железа, соединённой с глиной. Я вижу какой-то сплошь покрытый колючками и репейными шариками рыжий кустарник слева от себя, примерно сорокаметровую по предварительным расчётам, которые я, впрочем, не буду проверять, пропасть – справа. Передо мной только что проползла куда-то по неведомому мне маршруту змея с кожей, напоминающей оттенком выцветший кирпич, и я не понял назначения наростов на её голове и вдоль всей спины. Я даже не знаю, как она называется. Внизу, как мне отсюда хорошо видно, равнина сплошь изрезана глубоко выбитыми желобами пересохшей ещё в незапамятные времена ирригационной системы. Никаких следов этноса, даже безмерно давнего и поголовно вымершего, которому та могла бы принадлежать встарь, я пока что не встретил.

Солнце здесь похоже на клубок яростного пламени, выхваченный прямо из центра вошедшего в полную мощь своего неистового разгула пожара. Даже в очках с затемнёнными стёклами мне больно на него смотреть. Такое ощущение, что оно желает запечь меня в собственном соку и подать к столу местных замысловатых форм жизни.

Меня зовут Кайто. Аран Кайто. Мне двадцать два года. Я нахожусь на планете Винса. Местное солнце называется Алсей. Я прибыл сюда на основании поисков материала для научной диссертации, необходимой для завершения моего обучения в высшем учебном заведении, на отделении высшей физики и кибернетики. Дисциплина – история космоса. Знаю, что это лишь второстепенное направление здесь, введённое для расширения кругозора, но мне разрешили его выбрать. Рассчитываю внести ясность в кое-какие вопросы о происхождении человеческой расы и причинах её стремительной галактической экспансии. Проще выражаясь – хочу больше узнать о месте, где зародились мои неизмеримо далёкие предки. О планете Земля.

Я начинаю мой путь, и да воссияют надо мной звёзды, ответственные за удачу!"

Перестав вполголоса надиктовывать на маленькую белую квадратную пластинку с закруглёнными краями, Кайто убрал её в кармашек за пазухой плаща. Он не был уверен, отыщет ли хоть крупицу сведений, действительно необходимых человечеству, но, если этот исчезающе малый шанс всё же выпадет ему, документы отправятся в Большой Университет Познания, а, следовательно, должны быть оформлены правильно. Хотя тогда следовало бы урезать лирику, минимизировать разросшиеся, как кусты сирени по весне, сравнения и описания и добавить точных и чётких измерений параметров всего вокруг, проб грунта и так далее. Но Кайто собирался заняться всем этим, лишь если планета – не очередная пустышка. Казалось бы, что ему до туземцев, ведь они вовсе не были похожи на тех, кого он ищет, ни внешне, ни по интеллекту, ни по укладу быта... Но, во-первых, они могли быть связаны с теми, кто ему в действительности требовался, узами крови и наследственности, мало ли во что тут могло выродиться такое существо, как человек, за тысячу-другую лет. Во-вторых же, даже не являясь прямыми потомками людей, аборигены могли, тем не менее, что-то знать о них. Правда, никакой речью, кроме уханья и гуканья, они не владели, и были в этом отношении удручающе и почти безнадежно плохо обучаемы, но сведения можно добывать очень и очень разными способами. Разумеется, речь не о пытках и других насильственных методах, но, боги и демоны всех народов и звёзд,

чем только не приходилось заниматься переводчикам! Не зря же они всегда хорошо питаются и вволю пьют!

За поворотом выходящей вокруг горы тропы Кайто на пару секунд замер.

К винтообразной тропинке, выходящей на плоскую вершину горы, примыкала широкая полоса чёрного мрамора, похожая на прямую автомагистраль или центральный проспект столицы, и покоилась она, будто на столпообразных слоновьих ногах, на чёрных же колоннах квадратного сечения. В целом это напоминало невероятных размеров заброшенный акведук, сохранившийся почти нетронутым. Но планета выглядела сухой и безводной, и Кайто знал, что это не так, лишь из справочников. Казалось крайне сомнительным, что сюда, к этому монументу величия духа неизвестных создателей, когда-либо достигала вода. Кроме того, мрамор сверкал, нагреваясь под прямыми потоками забавного рыжего солнца, будто едва-едва добытый и совсем недавно установленный, надраенный до зеркального блеска руками бесчисленных слуг, несмотря на то, что здесь явно много сотен лет никто не бывал – однако, подошвы сапог сделавшего несколько шагов по необычному памятнику невесты когда и куда сгинувшей народности Кайто ничуть не скользили. Полутораметровое в высоту ограждение, впрочем, не позволило бы Кайто упасть вниз.

Дно этого прохода пролегло на двадцать пядей ниже, чем край дорожки, откуда Кайто прыгнул, чтобы очутиться в своеобразном жёлобе. Тот вплотную примыкал к вертикальной поверхности бока скалы, и в камень было вделано кольцо из металла, похожего на чёрную легированную сталь, неизвестного назначения. Не более ладони Кайто размером, оно оказалось столь тяжёлым, что он даже пошевелить то не смог. Если бы не наличие толстых и жёстких защитных перчаток на руках из кожи свирнейского вепря, одного из опаснейших представителей фауны планет бранли, нередко задирающего насмерть всякого случайного встречного – Кайто не рискнул бы так поступить. Пытаться спилить кусочек для дальнейшего исследования в более благоприятных условиях не стал, ограничился он лишь парой снимков, сделанных на то же устройство, что записывало его речь – как и всё в его багаже, оно являлось multifunctional. Завершив краткую "фотосессию", Кайто двинулся вдоль необычного полукоридора, подметив про себя, что дно полого уходит вниз, и он опустился уже на несколько метров от уровня высоты тропы, сделав всего пятьдесят не самых своих размашистых шагов. Раньше ему казалось, будто этот проход гораздо уже, но, раскинув руки в стороны на всю ширину, Кайто не смог коснуться обоих ограждений сразу.

Циферблат весьма странных наручных часов на правом запястье Кайто, без стрелок, делений часов и минут, сплошь белый, засветился, подобно люминесцентной лампе и в мгновение ока исторг из своего чрева крупный, увесистый булыжник. Приблизившись к боковому ограждению, высотой уже сравнявшегося со стеной среднего дома, Кайто сильным броском отправил камень на ту сторону и, едва тот скрылся из вида, засёк время. Устройство на его руке подало сигнал о достижении объектом дна через шесть минут и двадцать секунд. Кайто содрогнулся и непроизвольно отступил от стены, хотя, разумом он и понимал, что ему вряд ли хватит сил и возможностей сокрушить её даже нарочно. Заодно его прошиб холодный пот – при мысли о том, какое расстояние отделяет его от земли. Особенно при учёте гравитации Винсы, пусть и незначительно, однако, всё же превышавшей привычную, на Арделле.

В принципе, он мог не идти сюда один. Наследник компании "Новые Современные Небесные Технологии" мог отрядить сюда пару-тройку дюжин разумных, или же вовсе снарядить роботов. Однако, ему хотелось пройти по планете собственными ногами, подвергнуть себя опасности. Он – не какой-нибудь там избалованный капризный принц, знающий, что у него есть целое состояние, посылающий навстречу опасностям и приключениям других, вместо себя. Ему надо – он и должен делать. Таков был принцип семьи Аран, и отец, конечно, оказал бы ему содействие, послав на Винсу подчинённых – но в Кайто он бы разочаровался навсегда. Кайто никогда не любил Амосу, если не считать, конечно, самого раннего возраста –

первых лет жизни. Однако, ссориться с тем, от кого ты однажды получишь наследство, исчисляемое миллионами золотых слитков, а также целую корпорацию, явно не следует.

Ну, и, помимо всего этого, идти по планете, до такой степени не похожей на родную, было захватывающе. Такие будоражащие ощущения Кайто не испытывал в особняке Аранов, любясь на виды из окон. По южную сторону здания – сверкающая прозрачная сиреневая гладь идеального прямоугольника искусственного пруда, двадцать на пятьдесят метров, и две тенистые аллеи по бокам от водоёма, шумящие золотистой листвой. Тут и там – скульптуры диких животных Кольца Прометея. Например – нечто вроде косматого трёхметрового холма с двумя близко посаженными круглыми чёрными глазками, отросшая почти до земли, будто ведьмины патлы или клочья дикого мха и туго скрученных лиан, свисающие с ветвей деревьев тропических островов, густая шерсть прятала четыре плохо сгибающиеся лапы, заканчивавшиеся раздвоенными копытами. Где-то под этой лохматой гривой пряталась зубастая пасть, строение зубов указывало, что сие существо может запросто перемолоть челюстями как траву, так и мясо, и даже кости. Вместо носа существо было наделено пятаком, достойным раскормленной свиноматки. Хвост отсутствовал как таковой. Гофра называли эту вечно голодную и оттого постоянно злую тварь магапитхой, люди же окрестили её кабаномедведем, однако, от обоих данных животных она достаточно разительно отличалась. Более приятное впечатление производила тонконогая птица с длинной, около метра, шеей, а также четырьмя крыльями, укладывающимися друг поверх друга по сложной схеме. Её обычно называли цефой, индивиды человеческой расы относили её к дальним родственникам цапель. И тянулись скульптуры длинными рядами – десятки очень точно и подробно вырезанных изваяний... На севере к зданию примыкала огромная посадочная площадка, залитая бетоном, предназначенная для парковки фратт. Восток украшал собой главный вход, хвастающийся изящной лепниной портик, поддерживаемый восемью белыми колоннами. И, наконец, на западе – вид на Эстенцию, на центральный проспект... Это всё было шикарно, дорого, помпезно – и приелось Кайто ещё в десятилетнем возрасте. Он был счастлив уже одним тем, что вырвался оттуда. Из-под гнёта своего статуса старшего сына, прочь от присмотра отца и его ставленников.

Кайто считал немалой иронией судьбы тот небольшой факт, что сперва люди утратили свою прародину, загубив её, и сбежали в огромный космос, а теперь пытаются раздобыть хотя бы крохи знаний о ней – кто потом, на археологических раскопках, кто кровью отвоёвывая останки разрушенных земных транспортников у таких милитаристически структурированных рас, как арргам-рао, воинственного негуманоидного вида, применявшего выше означенные обломки не по назначению. Стаур-махту и вовсе превратили те, что достались им, в неизвлекаемые элементы ландшафта, так органично вплели больше не функционирующую технику, ныне просто груды мёртвого металла, в мир, что добраться до хотя бы наружного слоя без таких повреждений абсолютно всего вокруг и нарушения экосистемы, что это обернулось бы чуть ли не войной со всем видом, стало совершенно невозможно. Иные учёные готовы осыпать золотом и драгоценными камнями любого, кто доставит хоть полпроцента точных сведений. Хотя, когда живёшь среди гофра, сокровища подобного рода обесцениваются до украшений, обыкновенных безделушек, ведь золото у них – что железо на Земле... Люди были подобны примитивным созданиям, растранив живительную росу своего бытия, ласковую материнскую колыбель, свои чистые истоки – променяв всё это на гонку за химерическими благами прогресса, техногенный рай, как и любой дутый и созданный искусственно, через насилие над природой, идеал, быстро и страшно обрушившийся.

Жёлоб разветвился на три "рукава", с виду ни один ничем не отличался от других, как будто кто-то попросту сделал три идентичных копии. Все три "луча" были так длинны, что Кайто так и не удалось увидеть их противоположных концов, и назначение их также оставалось сплошной загадкой. Винса вообще никому не была интересна, она не содержала ни полезных ископаемых, ни пригодных для аграрных работ земель, на две трети её почву заменяли камень,

глина и песок. Хотя, эту самую красную глину высоко ценили в гончарном ремесле – даже у гофра не находилось достаточно богатых мастеров данной области, чтобы обеспечить себе постоянные поставки с такой неприятной, негостеприимной, жаркой, сухой и режущей взгляд чересчур яркой своей рыжиной планеты. Конечно, Кайто мог бы начать поиски с более симпатичного и комфортного мира, но тут уж он взял на "слабо" себя самого. Именно жёсткие, суровые, мало кем любимые условия сподвигли его отправиться в первую очередь сюда.

Кайто выбрал правый проход. Просто так, не задумываясь, поскольку отличий между ними так и не нашёл. Долгое время не менялось вообще ничего, но, в итоге, жёлоб закончился отверстием в сплошной высокой скале, в котором и дилетант легко узнал бы вход в пещеру. Там поверхность под ногами с каждым шагом поднималась выше и выше, и, наконец, Кайто увидел справа от себя ступеньки, примерно на уровне его груди. Сквозь огромные щели солнечный свет легко попадал в грот, расчерчивая тот тёплыми и весёлыми оранжевыми полосами, один из лучей падал аккурат на ступеньки. Подтянувшись на руках, Кайто взобрался на эту явно сделанную обладающими разумом существами лестницу. Наверху он обнаружил широкую, не менее, чем метров в двадцать, и, при этом, как минимум вдвое более длинную ровную горизонтальную площадку, отделанную жёлто-зелёно-голубой мозаикой. Панно растрескалось, в нескольких местах зияли внушительные дыры с безобразно кривыми краями, однако, по нему всё ещё вполне явственно читалась целая история о морских путешествиях. Впрочем, хотя фигурки экипажа на запечатлённых кораблях и были стилизованы под нейтральных гуманоидов, которые с равным успехом могли олицетворять и гофра, и альмайя, и даже таких же людей, как сам Кайто – в их пропорциях и в самом виде транспортных средств наблюдалось нечто диспропорциональное, чуждое и необычное. Это походило на рисунок в детском альбоме, вот только техника исполнения явно пребывала на высоте, недоступной даже гениальным детям. У Кайто отчего-то создалось ощущение, что вся эта картина имеет священное значение. Что он смотрит не просто на живых существ из плоти и крови, но на подвиги гордых и могущественных божеств.

До того, как высадиться здесь, Кайто изучил историю попыток колонизации Винсы. Планета без полезных ископаемых, с редкой растительностью, очень жаркая и сухая, в Галактике было принято считать, будто она просто никому такая не нужна, поэтому и пустует... Во всяком случае, данные в информационных центрах подавались именно так, но Кайто нашёл кое-что ещё. Точнее – наоборот, не нашёл, и это особенно его насторожило. Попытки заселения Винсы, облагораживания почвы, стабилизации климата до более комфортного для гуманоидных рас предпринимались, имелись десятки высококачественных визиорядов про обустройство переселенцами жилых посёлков, отчёты о проделанной работе, но с некоторого момента сведения мелкими подробностями переставали внушать доверие, существование тех, кто обитал на Винсе, словно бы консервировалось, ничего нового не происходило, доклады повторялись разными словами... А ещё никто никогда не возвращался с этой планеты, утверждая, что им вполне хорошо живётся и там. Также Кайто обнаружил, что ни у одного из колонистов не было во всей остальной Вселенной никого, кто мог бы отправиться за ними и проверить, каково им там, в не особенно гостеприимных условиях Винсы. Как будто по программе специально отобрали тех, кого не будут искать, в случае чего. И отец Кайто, Аран Амос, выступал активно против посещения Винсы, но Кайто счёл это его обычным ворчанием и брюзжанием, и, не вняв доводам не слишком-то обожаемого родителя, попросту сбежал, одолжив на время один из звездолётов компании.

Одно он мог сказать точно – эта пещера, этот восхитительный и явно на три четверти природный, едва затронутый рукотворной обработкой, грот, а также то сооружение, по которому он добрался сюда, принадлежали не колонистам. Разумных и способных к самоорганизации на уровне высшей совместной деятельности коренных жителей же на Винсе не нашли, ни живых, ни каких-либо следов, что здесь обитал кто-то более развитый, чем шерстистые белые обезья-

ноподобные млекопитающие, чьим самым сложным орудием труда была палка. Эти постройки вполне тянули на архитектурные шедевры, на грандиозные чудеса света... Будто кто-то прилетел, создал их и снова отбыл восвояси. Но зачем бы? Вероятно, на самом деле они на постоянной основе обосновались вовсе не здесь, а сюда выезжали, как иные честные горожане Эстенции на выходные отправляются в свои загородные особняки. Честно признаться, подобная мысль внушала трепет суеверного ужаса. Если всё это соорудили бегло, походя, между прочим, как палатку для пикника, или шалаш для детских развлечений в рощице рядом с деревней – каковы же их полные, истинные возможности? Среди нынешних народов, населявших Вселенную, на такое были способны единицы, но и то вряд ли – но вдруг это их предтечи? Кайто слышал, что некоторые виды создали искусственно, например, бранли некоторые учёные считали плодом тончайшей и высшей биоинженерии существ, известных среди аборигенов системы Борны как великие духи природы. Разумеется, те вовсе не торопились доложить, насколько это правда, и, даже если так – как им подобное удалось. Премудрость управления климатом и ландшафтами они тоже постигли, и применённый ими для этого тип энергии остался загадкой. Они могли сдвигать с места горы и менять конфигурацию морей и океанов, но, хотя, само собой, бранли имели полное право вознести их чуть ли не в ранг божеств – все остальные народы вовсе не стремились проявлять такое же легкоеверие и наивность, они всегда пытались докопаться до истины, однако, духи совсем не намеревались ни с кем делиться сакральными тайнами воздействия на структуру среды обитания... Вторым видом, потенциально обладающим такими возможностями, являлись, конечно, альмайя, но первым пунктом в любой деятельности альмайя всегда стояла рациональность, и Кайто представлялось маловероятным, чтобы, начав осваивать какую-то планету, они вдруг взяли и бросили её. Кроме того, к развлечениям в форме прогулок по другим мирам, непродолжительных остановок ради развесёлой пирушки, легкомысленного поведения они были склонны меньше всего.

Кайто вышел из пещеры через отверстие на её противоположном конце – и тут же восхищённо задрал голову вверх, высматривая верхний край открывшейся перед ним... Нет, не лестницы, ступеней не было, лишь огромная спираль в виде касающейся одним концом пола, но полого поднимающейся вверх буквы S, похожая на рыскающую в поисках ужина змею. Покрытие выглядело гладким и блестяло, будто лёд, в единственном робко пробивающемся через сплошной купол крыши луче оранжевого солнца, но Кайто попробовал поводить по нему подошвой и убедился, что не скользит. Материал был, похоже, одинаковым с тем, из которого состоял жёлоб. Парапет отсутствовал как таковой, и не свалиться с этой недолестницы, похоже, было проблемой исключительно самих идущих, мол, споткнулся и упал, или нарочно подтолкнули – сам виноват в том, что допустил такую неосторожность. Второй конец из того положения, где стоял Кайто, терялся в вышине, но Кайто всё равно пошёл.

С первого взгляда на место, в которое он попал, дойдя до самого верха, Кайто понял одно – строители обожали концентрические круги, стрелки всех форм и размеров, зубчатые непропорциональные арки, колонны и маленькие многоугольные бассейны, переполненные чем-то, похожим на зелёную ртуть. Однако, такое количество ртути даже в по-настоящему огромном и просторном зале стало бы смертельным для живого организма, а, значит, он обнаружил здесь нечто другое, и может расслабиться, пока не собирается засунуть туда пальцы, ногу, или, чего лучше, залезть купаться. Архитекторы, придумавшие это, кажется, в целом испытывали особое уважение к зелёному цвету – Кайто даже не подозревал, что существует так много оттенков, он сбился, насчитав тридцать. Но, несмотря на все странности, Кайто почему-то отчётливо представил себе жриц в лёгких, подобных живым струям воды, как бы перетекающих самих в себя, достающих до пола одеяниях, несущих в обеих ладонях огромные чаши, и жрецов, танцующих в кругах-платформах. Полностью отдаваясь своей обособленности, недоступным пониманию чужаков странным увлечениям, они вышли как бы за пределы времени и пространства. И никто им не был нужен, не ведали они сильных страстей, внезапного влечения, запретных

фантазий. Грациозные, свободные и прекрасные. Не гуманоиды... Нет, определённо не гуманоиды. Слишком много конечностей и глаз, а талия чересчур узка. Они уже не просто в его голове – Кайто и спохватиться не успел, как обнаружил, что весь их сонм танцует прямо перед ним! Их волосы пахли мускусом, само помещение – чуть сладковатым, острым, вязким ароматом ладана, всегда вызывавшего у Кайто головокружение, и этот раз отнюдь не стал исключением. Однако прежде, чем ему стало плохо, всё пропало. Образы, плотные, почти материальные, растворились так быстро, словно изначально лишь примерещились.

Что это? Сохранившееся сквозь века психовнушение? На фантазию Кайто пожаловаться никогда не мог, но ведь он только что больше, чем просто видел – он практически слышал, обонял и осязал, и даже изобретённая им голографическая система не могла передать нечто, настолько масштабное, с таким уровнем достоверности. А ощущение, что он на пару секунд в буквальном смысле побывал в прошлом этого места? Даже ребёнку известно, что путешествия во времени невозможны, а исследования в данной области запрещены... Что, кстати, необычно и противоречит себе же, поскольку, если нечто не может принести результата априори, зачем же накладывать на это табу? Ох, уж эти перестраховщики, нельзя же вот так всего бояться, и больше похоже на то, что их пугает вероятность успеха среди бесчисленного множества повторяющихся снова и снова неудач. Ведь никогда нельзя исключать шанс того, что нечто не получается не потому, что так в принципе нельзя сделать, а потому что ступень развития интеллекта и вспомогательного оборудования на текущий момент блокируют положительный итог. И никогда нельзя исключать внезапное появление гения, который возьмёт и не поймёт, почему всем это кажется настолько сложным, если он видит решение, блестящее и очевидное. А, если кому-то удастся сместиться во времени – рухнет вся стройная и аккуратная башня привычного мировоззрения высоколобых корифеев и обладателей всяческих научных регалий.

Что ж, не исключено, что и психовнушение, и даже нечто большее, не поддающееся осознанию ограниченным, и он даже не стеснялся это признать в таких обстоятельствах, разумом Кайто. Но что стало с этой цивилизацией? Кайто интуитивно ощущал их миролюбие, мог бы в этом даже поклясться, а ещё он откуда-то знал абсолютно точно – на нынешнем уровне развития человечество не смогло бы причинить тем чудесным созданиям ни малейшего вреда. Они достигли гармонии – другой гармонии, хотя, люди наверняка сочли бы это место гротескным, пародийным и безвкусным, только лишь за отсутствие соответствия их привычным нормам.

Вибрация внезапно сотрясла стены, пол и потолок храма, пройдя насквозь всю постройку, уже не выглядящую монолитной и непрístupной, наоборот – стало очевидно, что она не надёжнее и не устойчивее карточного домика. Кайто померещилось, что он заперт внутри детской игрушки, которую скучающий малолетний хозяин решил от нечего делать потрясти, а заодно – и послушать, какой получится звук. Колонны, ещё недавно впечатлявшие вечным спокойствием, вдруг показались сухими тростинками. Своды покрылись трещинами, каменное крошево просыпалось Кайто за шиворот и на макушку.

А затем древнюю роспись проломил, безнадёжно портя неповторимый шедевр, гладкий блестящий нос космического корабля. Тот протащился на брюхе до середины помещения, губя уникальный интерьер, и застыл, источая пар всей обшивкой, чужеродный и неуместный здесь, где само время застыло без движения, а пространство забыло, когда менялось хоть немного.

Пятиметровый в диаметре шлюз с тихим, на самой грани человеческой слышимости, шипением отворился, его восемь створок расползлись, уходя внутрь корпуса, а из дыры выглянуло несколько лиц. Одно из них отличалось воистину безумным косым разрезом глаз, никак не соотносившимся с видовой принадлежностью существа, и Кайто не сумел сразу определить, носит ли оно вычурную маску, или же просто его кожа так раскрашена и, плюс к этому, подвергнута хирургической деформации... Или же его кто-то покалечил? Второй менее отличался внешне от хрестоматийно типичного представителя своего народа, детей раскалённой, давно лишившейся атмосферного покрова Зоахимы, если не считать золотистый оттенок кожи, близ-

кий к медовому, и глубоких тёмно-фиолетовых, будто сжатые в очень плотную массу и закрученные вовнутрь себя Галактики, глаз. Честно говоря, именно эти глаза убедили Кайто, что этот, а не первый, куда как дальше ушёл от стандартов своего вида.

– Кажется, ты мне обещал, что в точке посадки не будет никого, кроме приматов, – с очень вежливой и сдержанной укоризной проговорил странный альмайя кому-то позади себя.

– Как по мне, так разницы и нет, – проворчало невероятного обличья первое существо в одежде учёного, покидая звездолёт и смеривая Кайто беглым презрительным взглядом.

– Ну, подумаешь, я же не могу знать абсолютно всё! – беспечно отозвался ещё один член экипажа.

– Ну, ещё бы, ты же не я, – презрительно фыркнул учёный.

Однако, чудо, похожее на в кои-то веки прыгающего на свободе радостного и довольного щенка, уже явно не слушало. Этот покинул люк одним прыжком и легкомысленно, будто вокруг собственного дома прогуливаясь, пустился вдоль стен пещеры-храма, размахивая руками.

– Приветствую, приветствую всех от имени величайшего космического корабля всех времён и народов, бороздящего просторы Галактики уже много сотен лет по общегалактической системе счисления, но всё ещё выглядящего, как новенький! Мы имеем дело с величайшим достижением древней архитектуры по уже более десяти веков назад утраченным технологиям! Оно, конечно, немного потеряло презентабельный вид...

– По твоей вине, – сварливо вставил всё тот же учёный, про которого Кайто уже определил для себя лично, что он невыносимый зануда, циник и педант.

– Ну допустим, – не стал спорить разговорчивый альмайя. – Но, невзирая на это, мы стоим прямо на одной из крупнейших тайн Вселенной! Планеты Винса и Таш не прячутся, они у всех на виду, и любой может высадиться, однако, до разума обоих миров, дремлющего в их недрах, никто доселе не добрался.

– И мы не доберёмся. Только не когда кучка недоумков вроде тебя отвлекают меня, – вновь внёс свою лепту учёный.

– Но кто-то же должен это сделать! Любая нерешаемая загадка существует лишь до тех пор, пока её не находит гений, не имеющий ни малейшего понятия, что обнаружить ответ на неё невозможно!

– Эта планета была обитаема? То есть, кем-то, кроме низших форм жизни? – перебил его Кайто.

– Как, разве вы не знали? – выдохнул оратор, воззрившись на него, как на двоечника. – В сравнении с тем великим народом мы – новорождённый вид, а вы, человечество – так вообще ещё эмбрионы, зародыши разумных с ограниченным восприятием!

Болтая, он оперся на и без того растрескавшуюся, пребывавшую на последнем издыхании колонну, и та вполне ожидаемо рухнула с оглушительным грохотом, подняв облако многовековой пыли.

– Дурачина и простак! – высказался учёный, для чего даже отвлёкся от набора проб из бассейна. В раздражении он чуть крепче, чем следовало бы, сжал руку, и пробирка, что была в ней, и которую он ещё пару минут тому назад с упоением разглядывал на просвет, едва не треснула, несмотря на то, что сплав, из которого её изготовили, был во много раз прочнее любого стекла и, похоже, изначально рассчитывался именно на неуравновешенный характер хозяина.

Кайто, подскочив к этому странноватому созданию, панибратски хлопнул его по плечу и небрежно, однако, вполне деловым тоном бросил:

– Вы не отвлекайтесь, у вас ещё около полутора минут до того, как находиться здесь станет нельзя! – проигнорировав выражение лица учёного, скривившегося так, будто собрался оторвать всю кисть жалкому смертному, посмевавшему до него дотронуться, Кайто стремительно

прошёл дальше и вскинул к потолку "циферблат" голограммного проектора. Свечение, лентами вырвавшееся из маленького устройства, сформировалось в балки, перекрытия и колонны – всё белое и сверкающее, будто едва выпавший снег. – Теперь наше время увеличилось до получаса, затем они не выдержат. Заканчиваем дела и проваливаем отсюда, господа!

Золотистокожий альмайя неторопливо приблизился к одной из сооружённых Кайто колонн и постучал по ней согнутым указательным пальцем. Та издала звук, вполне нормальный для полого внутри, но вполне твёрдого и натурального камня.

– Голограммы такого уровня правдоподобия? Что это за технология, разве у людей есть такая? Кто ты?

– У людей ещё нет, а у меня есть. Я это изобрёл. Вообще-то оно не должно быть белым, но всё вокруг нас грозило обрушиться, и мне пришлось пренебречь цветом. Меня зовут Аран Кайто.

– Аран? Знакомая фамилия, очень знакомая... Это не твой ли прадедушка придумал таблетки от диареи для н'дага?

Кайто на секунду утратил дар речи, но тут же весело рассмеялся:

– Ну, знаете, своего прадедушку я помню плохо, но совсем не удивился бы такому. В нашем роду все немного странные.

– Я заметил, – альмайя улыбнулся, но Кайто ничуть не обольщался – для представителей этой расы данное выражение лица могло значить что угодно, кроме непосредственного выражения симпатии, или вообще каких-либо эмоций, – Ваша раса, должно быть, вами восхищается за эту вещь? – судя по обращению на "вы", мнение альмайя о человеке изменилось, а именно – выросло. И сам Кайто это вполне оценил.

Он продолжал улыбаться, но взгляд стал сосредоточенным.

– Ну, что вы, я собрал её от скуки на лекции по истории Арделлы. Сначала я перенастроил программу классной доски так, чтобы она показывала лишь неприличные картинки. Потом, пока наставник с ней возился, я разобрал указку и добавил ей голосовой набор из дразнящихся реплик. Он выяснял, что произошло, а я собрал под партой из подручных материалов проектор. У меня были наручные часы, плата из визиофона, несколько запасных проводков, пара шестерёнок и карта памяти дешифратора.

– Неправильный ребёнок? – понимающе, однако, с неопознаваемой интонационной окраской, одинаково подходящей и как одобрение, и в качестве порицания, поинтересовался Альмайя.

Вопрос явно относился к разряду риторических, но не для Кайто:

– Как и вы, уважаемый, не так ли? Не могу знать, сколько вам лет, но ведёте вы себя как вечное любопытное дитя. В обычаи вашей расы не входит порча исторических памятников, экстренная посадка при исправно функционирующих системах звездолёта, а также эмоционально выраженный интерес к представителям другого народа.

– Моя матрица сбоит, – весело заявил нетипичный альмайя.

– И первым шагом на пути к этому, вероятно, стало именно то, что вы осознали наличие у вас матрицы, – Кайто восхищённо оглядел собеседника с ног до головы.

– А неплохо схватываете. Кажется, ваш вид говорит "на лету", да?

– Иногда... Скажите, а для чего вы искали этот храм? В отличие от меня, вы производите впечатление тех, кто абсолютно точно знает свою цель. Я же попал сюда случайно. Прогуливался, понимаете ли...

Альмайя и человек обменялись одинаковыми взглядами в стиле "Ну, меня-то вам никак не обмануть!".

– По Винсе не прогуливаются. Возможно, вы искали не конкретно это место, но на планете находитесь отнюдь не просто так. Откровенность за откровенность?

– Ладно. Я ищу здесь отпечатки истории моего вида.

– Хм... Цели схожи, но наша более глобальна. Я ищу истоки всей жизни во Вселенной. Нет, я не исследователь... Не совсем. Я лишь люблю владеть чем-то единолично. Сохранять нечто уникальное для себя одного. Информацию – в том числе.

– Это эгоистично... И эту часть общей программы вашей расы вы ещё не избыли, – холодно проговорил Кайто, чуть нахмурившись и поджимая губы. – Бесконечная эскалация в области знаний, всё ради вида альмайя, даже если все остальные народы придётся похоронить!

– Не одобряете?

– Любое обладание нам лишь мерещится. Вы не имеете права присвоить что-то и распоряжаться этим только потому, что оно вам нравится!

– Почему? – с неподдельным недоумением уточнил альмайя.

– Потому что... Давайте продолжим на корабле, время вышло!

Материалу, на котором они стояли, стукнул не один миллион лет, и никакая коррозия, никакие катаклизмы его не брали. Но... Под весом многотонного космического корабля монолит оказался не прочнее тоненькой весенней корочки льда на пруду. Ветвящиеся трещины в полу распространились на всё помещение, и целые куски начали проваливаться. Кайто прикинул, что они должны располагаться выше уровня вершины той горы, с восхождения на которую он начал путешествие по Винсе. Падение в одну из дыр окажется фатальным не только для него, но и для альмайя.

– Разве?

– Это в вашей системе измерения времени в минуте двести стандартных секунд, а в той, которой пользуюсь я, их всего сорок! Уходим!

Кайто знал, что альмайя не пользуются трапом, и не стал создавать трап, он сделал верёвочную лестницу.

Едва лишь он очутился на борту, как желтокожий капитан спросил его:

– Вы всерьёз планируете лететь на судне, которое видите впервые в жизни, не одобряете действия и образ мыслей экипажа, и даже понятия не имеете, куда мы направимся дальше? – и выглядел при этом так, словно общался с умалишённым и, вероятно, буйным индивидом.

– Так точно. Это гораздо лучше, чем умереть под развалинами! – широко улыбнулся Кайто.

Глава 2. Экстремальная посадка

– Что такое, в целом, личное имущество, как не фикция? Предположим, вы обронили на улице любую свою вещь, и она никак не отмечена, что принадлежит именно вам. Кто-то подберёт её из лужи, где всякий случайный прохожий мог наступить, сломать и не заметить, отчистит от всей налипшей грязи, привяжется к ней и будет считать уже своей. Вы придёте требовать её назад, но у него теперь тоже есть на неё права, это ведь вы позволили ей потеряться. Вы, конечно, можете отобрать силой, но индивид вполне способен дать отпор, а пока вы препираетесь, или даже дерётесь, какой-нибудь третий, проходящий мимо ушлый вор, утянет предмет дискуссии с собой. Его хитрость, ловкость и смекалка тоже обеспечивают ему кое-какие права. Почему бы и нет? Он, вероятно, не из тех счастливицков, у которых когда-либо найдётся достаточно средств на покупку такого же, но своего личного, даже если он работает в поте лица весь век, но это вовсе не значит, что ему не хочется, и эту потребность он утоляет доступными ему возможностями. Да, это плохой и противозаконный поступок, но каждый вертится в меру своих способностей, талантов и того, что для него психологически приемлемо... А если вы умрёте, не оставив завещания? Или оставите, но его потеряют, или подделают?

– В нашем мире нет завещаний, процедура наследования одинакова для всех, без исключения, кроме тех, результаты чьих трудов имеют общенациональное значение, – негромко вставил порядком ошарашенный тем, что кто-то вообще посмел ему выговаривать, а также читать лекции, Ра-Гор.

О, боги, как вообще некоторым удаётся понимать всё настолько буквально! Хотя сведения, признаться, Кайто заинтриговали, но ситуация казалась ему неподходящей, чтобы выпрашивать. Он не из тех, кто легко и внезапно меняет тему на самом увлекательном месте.

– Неважно, вы поняли, что я имел в виду... А что, если вы чем-то заболаете и впадёте в слабоумие, сделавшись врагом самому себе? Или потеряете память не только об имуществе, но даже о том, как вас зовут? Мы ничем не владеем, и уж подавно – другими разумными. Невозможно просто запереть живое существо и заявить, что оно отныне принадлежит тебе! Природа создала и тебя, и его, и, конечно, заставляет конкурировать, но свободны от рождения вы оба!

Кайто Аран и золотокожий капитан, никак и ни в чём не находя ни компромисса, ни точек соприкосновения, беседовали уже второй час, неспешно прогуливаясь по каменной оранжерее с потолком, открывающим вид на космос. Миллионы цветов – алмазных, изумрудных, рубиновых, аметистовых, лазуритовых, сапфировых, агатовых, берилловых, малахитовых, мраморных... Названий половины Кайто не знал, равно как и где Ра-Гор добыл их. Да, подходит альмайя – вот это вместо настоящих, хрупких, дышащих, нежных цветов. Но великолепно, ничего не скажешь. Редчайшее собрание, проявление изысканнейшего вкуса. Всё блестит, переливается, глаз не отвести. А на поверку – мёртвый сад, где сердце молчит, а душа трепещет и остывает. Здесь словно бы панически боялись всего живого, естественного, чувствующего... неизбежно стареющего. Не в этом ли причина? Альмайя исключают из своего быта всё эфемерное, ненадёжное. Вот только, увы, это и есть вся жизнь – стремительная, трепещущая и не дающая ну совершенно никаких гарантий ни в чём! Даже горы не вечны, что вы!

Кайто остановился, чтобы взять передышку, и, запрокинув голову, вперился в искусственный небосвод. Купол выглядел таким тонким и начищенным, что возникало впечатление, будто между ними здесь, внутри, и холодной Вселенной вообще ничего нет. Никакой преграды, никакой защиты. Прямой выход на бескислородный ледяной вакуум, захватывающий воображение провал в абсолютную и вечную черноту. Иллюзия, конечно, а, вернее, оптический обман, достигнутый изящным расчётом проектировщика. Да, люди такое или планируют всю

жизнь, или достигают случайно, гениальным наитием. Надо видеть и воспринимать мир кардинально иначе, чтобы подобное удалось. А звёзды, эти прекрасные и дикие, чуждые и недосягаемые, одновременно и ледяные, и раскалённые искры в черноте, далёкие-далёкие, молчали, не снисходя до микроскопических песчинок, любующихся ими.

– Ощущаете своё ничтожество и тщету бытия, глядя на подобное? – равнодушно спросил Ра-Гор, глядя на Кайто сверху вниз.

– Нет, скорее, величие.

– Что?

– Вы правы, мы очень малы, усилия не то, что отдельных индивидов, но даже целых наций порой пропадают втуне, и нет никого, кто бы вспомнил о них и передал в рассказах потомкам. Мы ничто, а против нас будто бы всё мироздание. Но мы стремимся вперёд и чего-то добиваемся вопреки этому чудовищному неравенству сил. Теряя одно, мы придумываем другое. Утрачивая прошлые навыки, приобретаем взамен куда более полезные. Мир дышит. У Вселенной есть пульс. И мы – её часть. А, значит, сталкиваясь с необъятным и непознаваемым целым, мы осознаём, какую важную роль играет. Что-то огромное состоит из почти незаметных мелочей. Возьмите одну строку из книги, один мазок красок на холсте. Сами по себе они не значат ничего, так, ерунда, отмахнуться и забыть. Но в общей картине или полной книге они обретают вторые и третьи смыслы, насыщенность и объём. Здесь то же самое.

Казалось, с каждой фразой Кайто Ра-Гор всё глубже замыкался в себе, хотя на первый взгляд при знакомстве с ним Кайто всерьёз думал, что дальше некуда. Как будто книга за семью замками и под двадцатью печатями. То ли Ра-Гор не питал ни малейшего расположения к незваному попутчику, что так беспардонно и дерзко навязал себя обузой ему на шею, то ли он в принципе всегда был такой. Исходя из того, что этот тип хотя и странный, но всё же альмайя, Кайто склонялся ко второму.

– Что интереснее всего, – не останавливался он, – так это как вы распорядитесь тем, что имеете. Сидя на добытых отовсюду сокровищах и ни с кем не делясь, никак их не тратя, будете ли вы счастливы или хотя бы довольны?

– Счастье переоценено. Оно не константа, на него нельзя положиться, – возразил Ра-Гор.

– Да, безусловно, но на него и ни к чему полагаться, его надлежит добывать, а затем – всеми силами удерживать. Счастье не падает с небес и не достаётся в подарок, оно – всегда труд, иногда очень долгий и кропотливый, где почти до самого конца не ясен результат.

Ра-Гор хмыкнул, мало впечатлённый риторикой Кайто.

– То есть, если личная собственность не имеет никакого значения, и прав у нас нет – я могу забрать ваш замечательный проектор, если захочу?

Ра-Гор уточнил это как бы между делом, обронил свысока. То ли он и впрямь не воспринимал Кайто равным, то ли умело притворялся, чтобы сразу поставить случайного, из милости подобранного спутника на место. Кайто, впрочем, не собирался принимать предложенные ему в ультимативной форме правила. Ещё чего, он и сам в этих играх всегда неплохо преуспевал!

– И если сможете. Да, безусловно. В этом всегда очевидное преимущество того, кто сильнее, к моему величайшему сожалению.

Кайто давно смирился с тем, что мир состоит из конкуренции, а такая банальность, как прямая и грубая сила – входит в список быстрых решений проблем. С теми, для кого лишь этот способ и доступен, Кайто научился общаться на их уровне, не ведая пощады, чётко и без сомнений. Сожаления да мечты о том, чтобы люди и все вообще разумные создания были хоть немного добрее и толерантнее друг к другу? Да, он отнюдь не был их лишён вовсе, но и отрицать реальность, пряча голову в песок от всего, что не по вкусу, не привык – даже ради достижения бледной тени такого итога им предстоит ещё работать и работать.

– Наша технология ушла далеко вперёд, так что я не заинтересован, но для вас это уникальное достижение. Вы мне весьма импонируете, вы рассуждаете несколько шире, чем боль-

шинство созданий вашего вида, – Ра-Гор склонил голову набок, Галактики, заточённые в недрах его ни на что не похожих тёмных, но невесть каким непостижимым светом сияющих глаз, померкли. – Прискорбно одинаковые. Каждый из вас познаёт окружающую среду и делится своими открытиями – и неизбежно обнаруживает, что они давным-давно устарели и никому не интересны. Толпа слишком зависима от себя же, легко подхватывает веяния, даже самые нелепые. Как галдящие наперебой птицы. Вашему же пониманию доступно чуть-чуть больше.

– Вы мне льстите, – фыркнул Кайто. Он отлично знал, что альмайя такое не умеют, не заложено в них, но и себя оценивал вполне здраво.

Будто оскорблённый в самых положительных чувствах и намерениях, Ра-Гор помрачнел, уже более тщательно выбирая аргументы.

– Зачем вам та закосневшая в невежестве и ложных увлечениях планета, с которой вы произошли? Зачем вам стадо полумразумных жвачных, способных лишь портить красками холсты да вздыхать по малейшему поводу?

– Не обесценивайте её лишь потому, что не понимаете. Эта планета полна жизни и ярких красок. Она очень дорога мне. Я люблю её белую звезду, люблю почти звенящий по утрам воздух и прозрачные небеса. А ещё там очень вкусные сладости. Гофра умеют радоваться жизни, как дети. Сначала они кажутся легкомысленными прожигателями и того короткого срока бытия, что им отведён, но понаблюдаешь – и восхитишься. Кроме того, у меня есть на Арделле кое-кто, находящийся под моей ответственностью. Я обязан вернуться.

– Это исключено. Мы не ходим в основные цивилизованные миры, там нас могут узнать. Кайто криво усмехнулся.

– Вы принуждаете меня добиваться свободы всеми методами, что я сочту нужными?

На лице альмайя застыло выражение незаслуженной обиды. Точнее, не совсем обиды, а, скорее, того самого чувства, какое испытывает любой человеческий ребёнок, годами мечтавший о собаке, наконец-то купивший на кровно заработанные, с трудом накопленные, такие важные сбережения долгожданного щенка, и уже успевший напредставлять себе в ярчайших красках, как они станут товарищами не разлей вода, самыми близкими существами, кроме, разве что, родителей... А щенок взял, укусил за руку, да и сбежал. И ребёнок не понимает, что сделал не так, и почему питомец вообще проявил какую-то личную волю, он ведь лишь что-то, принадлежащее хозяину. Разве этот нелепый и смешной комок шерсти что-то может чувствовать, не чересчур ли большая это роскошь для того, кто обязан служить да развлекать? Мальчишке совершенно не ясно, что он пытался распоряжаться чужой душой, вовсе не заинтересованной в том, чтобы потакать его прихотям. Что там свои планы на жизнь, стремления, что, даже если мальчик не кричал, не отбирал еду и не делал больно – щенку он может просто не нравиться внешне, а голос – раздражать, и животное выражает протест.

– Мы обеспечим вам всё, что необходимо для комфортного существования человеческого существа, и вы всегда будете в безопасности. Мы увеличим срок вашей жизни и можем даже модифицировать тело, вы станете совершенством, господин Аран. Если вам интересны научные исследования – то у нас на борту огромная лаборатория и не менее обширное хранилище информации, мы выкачиваем её из самых закрытых и сверхсекретных баз данных по всей Вселенной. Оптимальнее условий у вас не будет никогда и нигде, господин Аран, так для чего же вам уходить с корабля? Никто здесь не желает причинить вам вред... Конечно, наш штатный учёный странноват, а иногда бывает и непредсказуем, но он никогда не пойдёт против моей воли, а вы мой желанный гость. Он к вам и не прикаснётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.